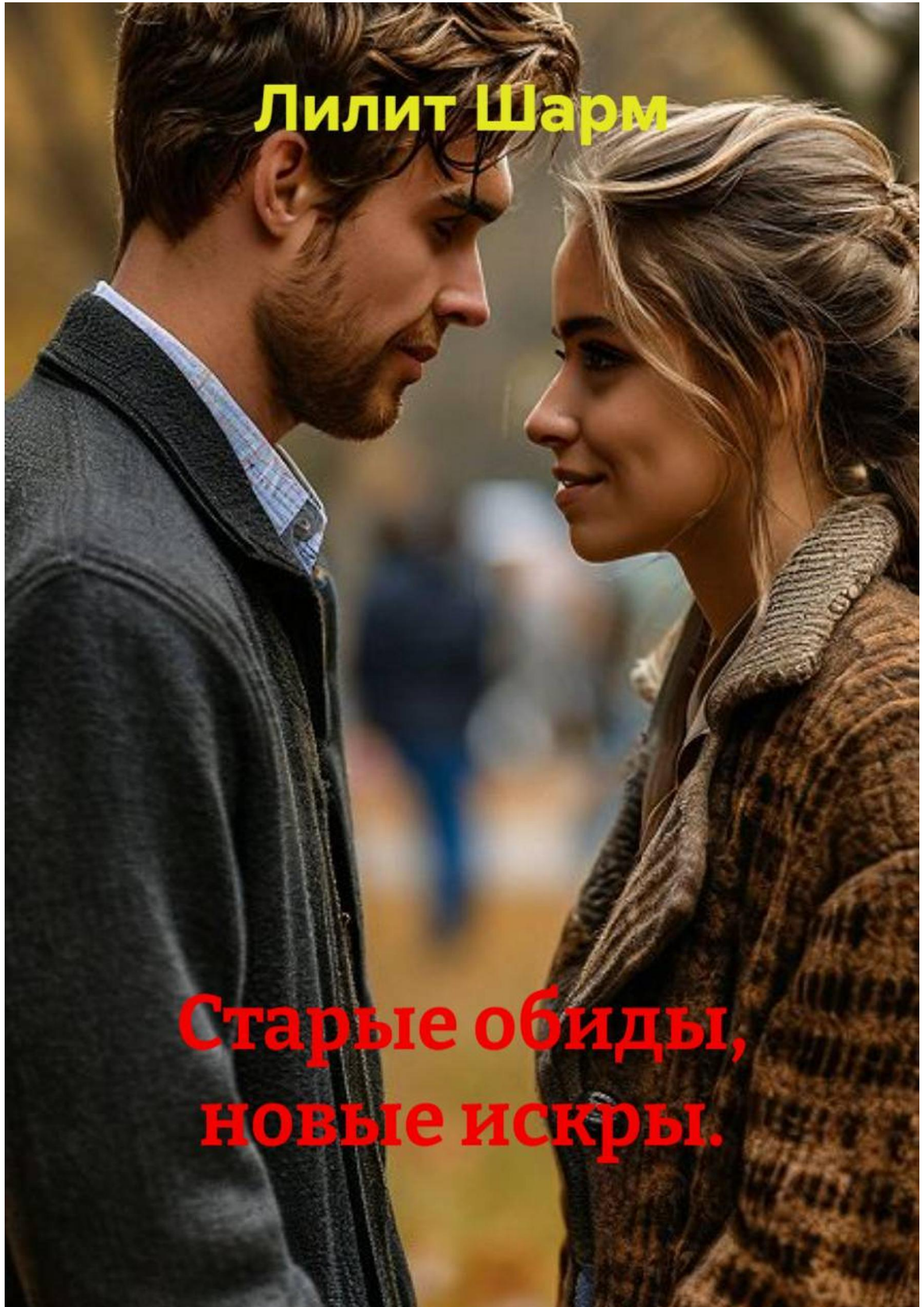

A close-up, profile view of a man and a woman facing each other. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark grey sweater over a light blue collared shirt. The woman, on the right, has blonde hair tied back, wearing a brown textured jacket. They are both looking at each other with soft expressions. The background is blurred, showing other people in a public setting.

Лилит Шарм

**Старые обиды,
новые искры.**

Лилит Шарм

Старые обиды, новые искры.

«Автор»

2026

Шарм Л.

Старые обиды, новые искры. / Л. Шарм — «Автор», 2026

«Десять лет спустя»: когда старые обиды превращаются в искры, а школьный антагонизм — в самое сильное чувство. Рома и Света в школе терпеть не могли друг друга: он дразнил её за «правильность», она смотрела на него с холодным недоумением. Спустя 10–15 лет они встречаются на вечере выпускников — оба не в браке, оба в отношениях, которые давно держатся на привычке. И вдруг между ними вспыхивает то, что невозможно игнорировать: не просто притяжение, а узнавание — будто за всеми масками всё это время прятались два человека, которым есть о чём молчать и о чём говорить. Это история не про мгновенную страсть, а про смелость быть честным: с собой, со старыми друзьями, с теми, кто рядом. Про то, как признать: «Мне не подходит то, что я строю», и рискнуть ради чего-то настоящего. Про сплетни, сомнения, ссоры и разговоры до рассвета. И про то, что иногда любовь приходит не в юности, а когда ты наконец готов её услышать.

© Шарм Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. «Зал, где всё началось»	6
Глава 2. «Один стакан на двоих»	9
Глава 3. «Старые раны»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Старые обиды, новые искры.

Глава

Глава 1. «Зал, где всё началось»

Света остановилась в дверях актового зала и на мгновение будто перестала дышать. Ей вдруг показалось, что время сделало неловкий шаг назад: запах лака и старой пыли, выцветшие гирлянды, мигающие не в такт, и эта песня из нулевых, которую кто-то специально поставил, чтобы «было как тогда». Всё это ударило по памяти не нежно, а резко, как холодная вода.

Она знала, что выглядит собранной: платье, не слишком строгое, но и не вызывающее, волосы убраны так, чтобы казалось, будто она не старалась, хотя на самом деле она трижды их перекладывала. Она хотела, чтобы все увидели: «Я справилась. Я стала кем-то». Но внутри всё дрожало, как у той самой девочки, которая боялась, что если она хоть на секунду покажет, как ей страшно, над ней снова будут смеяться.

Катя вынырнула из толпы и повисла у неё на шее, пахнув привычными духами и счастьем, которое всегда давалось ей легко.

— Светка! Ну наконец-то! Я думала, ты передумаешь! — голос Кати был громким, искренним, и от этого на душе у Светы стало чуть теплее. — Ты потрясающе выглядишь! Серьёзно, я бы так не смогла: прийти сюда и не спрятаться за очками и шарфом.

Света улыбнулась, но улыбка получилась чуть кривой, натянутой, как ткань, которую тянут в разные стороны.

— Я и прячусь. Просто теперь это называется «стильный образ».

Они рассмеялись, и этот смех помог ей сделать первый шаг внутрь. Зал был полон, но не тем плотным, уютным теплом, когда ты среди своих. Здесь каждый будто старался быть громче, заметнее, будто боялся, что если он хоть на минуту перестанет производить впечатление, его тут же забудут.

Кто-то кричал: «А помнишь, как мы сбежали с химии?!», кто-то смеялся слишком громко, кто-то уже тянул к себе телефон, чтобы выложить сторис: «Встреча выпускников — и мы всё ещё банда!». На стенах висели старые фотографии: они все такие юные, серьёзные, будто уже тогда знали, что этот момент будет важным. А теперь на них смотрели другие люди — повзрослевшие, уставшие, с морщинами у глаз и с историями, которые не влезали в подпись к фото.

И среди них он. Рома.

Он стоял у окна, чуть в стороне, как будто специально выбрал место, откуда можно было наблюдать, но не быть в центре. В одной руке — пластиковый стаканчик, в другой — телефон, который он то и дело проверял, будто искал повод уйти. На нём была простая футболка, джинсы, и в этом отсутствии старания было что-то знакомое: он всегда делал вид, что ему всё равно, что о нём думают.

Их взгляды встретились. На долю секунды. Ровно столько, сколько нужно, чтобы заметить: у него теперь есть привычка хмуриться, будто он всё время о чём-то напряжённо думает; у неё — привычка чуть склонять голову, будто она всё ещё пытается стать меньше, незаметнее. А потом они оба отвернулись. Слишком быстро. Слишком синхронно.

«Мы тренировались в этом пятнадцать лет, — подумала Света. — Не смотреть друг на друга». И от этой мысли ей стало почти смешно, если бы не было так горько.

Рома сделал глоток и поставил стаканчик на подоконник. Ему было неловко. Не просто «не по себе», а по-настоящему, до зуда в пальцах. Макс, который притащил его сюда, хлопал его по плечу и говорил: «Ну вот, ты же рад, что пришёл!», а Рома кивал, потому что не знал, что ещё делать. Он пришёл, потому что боялся, что если не придёт, то это будет значить, что он сдался. Что он стал тем самым парнем, который прячется от своего прошлого.

А ещё он боялся увидеть её. Свету.

Не потому что она была какой-то особенной, а потому что она была единственной, кто никогда не смеялся над его шутками. Кто смотрел на него спокойно, слишком спокойно, будто видел насквозь. И от этого ему становилось не по себе.

Кто-то из одноклассников хлопнул его по плечу:— Ромка, ну ты даёшь! Ты теперь почти босс! Расскажи, каково это — командовать людьми?

Рома натянуто улыбнулся:— Да нормально. Главное — не забывать, что они тоже люди.

Смех прокатился по залу, лёгкий, незлой. Но Рома почувствовал, как эта фраза повисла в воздухе, как что-то слишком серьёзное для вечеринки. Как будто он случайно сказал правду, которую не собирался никому показывать.

Тем временем Катя тащила Свету к центру зала, представляя её всем подряд:— Смотрите, это Света! Она теперь дизайнер интерьеров, её проекты печатают в журналах!

Света кивала, улыбалась, отвечала на вопросы, но краем глаза ловила, как люди оглядываются, как шепчутся, как кто-то тычет пальцем в старую фотографию: «О, смотри, какая она была строгая!»

И тут раздался голос, которого она боялась больше всего:— А помните, как Ромка вечно дразнил Светку за то, что она правила учила вместо того, чтобы гулять? Ха ха, ну вы даёте!

Все засмеялись. Кто-то подхватил:— Ага, он ей ещё говорил: «Ты когда-нибудь просто повеселишься?» А она смотрела так, будто он говорил на другом языке!

Смех стал громче, и Свете вдруг показалось, что стены зала стали ближе, а воздух — гуще, почти вязким. Она сделала шаг назад, будто хотела стать невидимой, и сжала кулаки, спрятав их в складках платья. Ей хотелось сказать что-то острое, чтобы защитить себя, но слова не приходили. Они застряли где-то в горле, тяжёлые и горькие, как ком, который невозможно проглотить.

В этот момент она снова почувствовала себя той девочкой: в старом свитере, с учебником в руках, которая стояла у доски и не знала, куда деть глаза, потому что все смотрели и ждали, что она сейчас сделает что-то не то.

Рома услышал эти слова, и внутри у него что-то дёрнулось — неприятно, остро, как будто кто-то провёл ногтем по старой ране. Он вдруг отчётливо вспомнил тот день: как он нарочно громко дразнил Свету, как все смеялись, а она не отвечала, только смотрела на него этими своими спокойными, слишком взрослыми глазами, в которых не было ни обиды, ни злости — только усталость от того, что её не понимают. И как ему тогда стало так стыдно, что он убежал в туалет и сидел там, пока не прозвенел звонок.

Он резко выпрямился и шагнул вперёд.— Хватит, — сказал он, громче, чем собирался. Все обернулись. Смех стих, как будто кто-то выключил звук. — Это было глупо. Я вёл себя как идиот. И вспоминать это сейчас... тоже глупо.

Тишина повисла над залом, тяжёлая, звенящая. Света замерла, не веря своим ушам. Никто никогда не вставал на её защиту. Даже она сама чаще молчала, чтобы не привлекать внимания.

Рома посмотрел прямо на неё. В его взгляде не было ни вызова, ни насмешки. Только честность, которая всегда давалась ему тяжелее всего.

— Прости, — тихо, но так, чтобы она точно услышала, сказал он. — За всё, что было в школе. Я не знал, как быть нормальным, поэтому был задирой.

Света не ответила сразу. Слова застряли где-то в горле, не потому что не было, что сказать, а потому что всё, что хотелось сказать, было слишком большим для этого зала. Она смотрела на него и вдруг поняла: перед ней стоит не тот мальчишка, который смеялся над ней. Перед ней стоит мужчина, который помнит, что когда-то причинил кому-то боль, и ему до сих пор от этого не по себе.

— Спасибо, — наконец прошептала она. — Что сказал это.

Он кивнул, будто этот её тихий ответ был важнее всех аплодисментов в мире.

Музыка снова заиграла, кто-то потянул Катю танцевать, кто-то позвал Рому посмотреть старые грамоты, но он не двинулся с места.

— Ты изменилась, — вдруг сказал он, глядя на неё так, будто видел впервые. — Но в чём-то осталась той же.

— В чём же? — спросила Света, чуть приподняв бровь, как делала раньше, когда хотела казаться равнодушной.

— В том, как ты смотришь, — ответил он. — Так, будто видишь больше, чем все остальные.

Она хотела отшутиться, сказать что-то лёгкое, чтобы снова спрятаться за привычной маской. Но слова не пришли. Вместо этого она просто кивнула.

И в этом кивке было всё: и «я помню», и «мне было больно», и «но теперь всё в порядке».

Зал продолжал жить своей шумной, немного неуклюжей жизнью. А где-то в его середине, среди гирлянд и старых фотографий, два человека, которые когда-то не могли находиться в одной комнате, вдруг поняли, что им больше не нужно прятаться друг от друга. Но и не нужно торопиться. Нужно просто дать себе минуту, чтобы привыкнуть к этой новой тишине между ними.

Потому что иногда самое сильное притяжение начинается не с искры, а с одного простого «прости».

Глава 2. «Один стакан на двоих»

Кафе рядом со школой было тем самым типичным местом, которое будто специально создано для встреч выпускников: слишком яркий свет, слишком мягкие стулья, слишком громкая попса из колонок, чтобы никто не оставался наедине со своими мыслями дольше чем на минуту. Но Рома и Света всё равно оказались в этой тишине — среди чужого шума.

После актового зала часть класса потянулась сюда, чтобы «продолжить». Кто-то уже был навеселе и громко вспоминал школьные проделки, кто-то пытался казаться серьёзнее, чем был, а кто-то просто жадно ел эклеры, будто возвращаясь в то время, когда всё было проще.

Рома стоял у стойки, теребил край футболки и думал, что хуже школьной встречи может быть только попытка притворяться, что тебе весело. Он хотел заказать себе что-нибудь простое — чтобы не пришлось ни с кем обсуждать вкус, не пришлось объяснять, почему ты пьёшь именно это.

— Лимонад, пожалуйста, — сказал он бариста, стараясь звучать спокойно.

Света подошла почти одновременно. Она тоже смотрела на меню, будто там были ответы на все вопросы, которые она не решалась задать даже себе.

— Мне тоже лимонад, — сказала она, и в ту же секунду их руки потянулись к одному и тому же стакану, который бариста только что поставил на стойку.

Они замерли. Пальцы почти соприкоснулись, но в последний момент оба отдернули руки, будто обожглись. А потом одновременно рассмеялись — не над ситуацией, а над собственной неловкостью, которая вдруг стала почти милой.

— Прости, — сказала Света, чуть хмурясь, как делала, когда ей было стыдно, но она не хотела этого показывать. — Я не хотела...

— Да нет, это я, — перебил Рома, и в его голосе было столько облегчения от того, что напряжение хоть на секунду спало, что Света снова улыбнулась. — Давай... поделим?

— В смысле?

Он пожал плечами, стараясь выглядеть непринуждённо, но в этом жесте было столько старания казаться нормальным, что Света вдруг поняла: он тоже здесь не в своей тарелке.

— Ну, ты делаешь глоток, потом я. Как будто у нас один стакан на двоих.

Она рассмеялась, на этот раз искренне.

— Это звучит как какой-то странный ритуал.

— Зато честный, — ответил он. — Без лишних слов. Просто... один стакан.

И они сделали так. Света сделала первый глоток — лимонад был холодным, чуть кислотным, и от этой простой, обычной вещи ей вдруг стало легче. Потом Рома. И в этом не было ничего особенного, но было что-то очень правильное: они делили что-то простое, без пафоса, без обещаний, без ожиданий.

Кто-то из одноклассников хлопнул Рому по плечу:— Ром, иди сюда, тут про тебя рассказывают!

Рома поморщился:— Я сейчас.

Но его уже тянули к столику, где кто-то громко и с преувеличенными интонациями рассказывал историю, в которой Рома был главным героем, а правда была щедро разбавлена выдумкой.

— Иди, — тихо сказала Света. — А то обидятся.

Он посмотрел на неё, будто хотел что-то сказать, но не нашёл слов.

— Не хочу, — честно признался он. — Там всё не так.

Света чуть наклонила голову, как делала раньше, когда пыталась понять, что происходит на самом деле.

— Тогда не иди.

И он остался. Просто стоял рядом с ней, и впервые за вечер ему не хотелось никуда бежать.

Они вышли на улицу, чтобы подышать. Здесь было прохладнее, и воздух казался чище, чем в душном кафе. Где-то рядом шумел город, машины, голоса, но здесь, у стены кафе, было тихо.

— Знаешь, — вдруг сказал Рома, глядя не на неё, а куда-то вперёд, в темноту улицы, — я столько лет смеялся, чтобы не плакать. А теперь мне просто хочется, чтобы кто-то спросил: «А ты как?»

Света замерла. Эти слова ударили не по гордости, не по самолюбию — они ударили по чему-то глубокому, по тому, что она столько лет прятала даже от себя.

— Я спрашиваю, — тихо сказала она. — Как ты?

Рома посмотрел на неё. В его взгляде было столько усталости, столько желания быть понятым, что Свете вдруг захотелось сделать что-то, чтобы ему стало легче.

— Честно? — спросил он.

— Честно.

Он выдохнул, будто сбрасывал с плеч что-то тяжёлое.

— Плохо, — признался он. — Не в смысле «всё рушится», а в смысле... я не знаю, зачем я всё это делаю. Должность, отношения, планы — всё выглядит правильно, а внутри как будто пустота. И я боюсь, что если я остановлюсь хоть на минуту, то пойму, что всё это не моё.

Света слушала, и в её груди что-то сжималось — не от жалости, а от узнавания.

— Я столько лет всё делала правильно, — сказала она, глядя на свои руки, чтобы не смотреть ему в глаза, — что забыла, чего хочу сама. Я строила свою жизнь как проект: цели, этапы, KPI. И когда всё получилось, я вдруг поняла, что сижу в идеальном доме, с идеальной работой, и мне... одиноко. Потому что никто не знает, что я на самом деле боюсь высоты, люблю старые фильмы и иногда хочу просто сидеть и смотреть, как идёт дождь, а не думать, как это вписать в продуктивный день.

Рома слушал, не перебивая. И в этой тишине, когда никто не пытался шутить, чтобы скрыть неловкость, они вдруг стали настоящими друг перед другом.

— Странно, — сказал он после паузы. — Мы столько лет делали вид, что друг друга не существуем, а теперь говорим то, что не говорили даже тем, с кем живём.

— Наверное, потому что мы не ждём друг от друга оценок, — ответила Света. — Ты не будешь смотреть на меня и думать: «Она могла бы быть лучше». А я не буду думать: «Он опять что-то выдумывает, чтобы казаться круче».

Рома усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — только горькое признание.

— А ведь я и правда выдумывал. Чтобы никто не догадался, что я боюсь, что я обычный. Что я не герой, не душа компании, а просто парень, который не знает, куда идти дальше.

Света хотела сказать что-то ободряющее, что-то правильное, но вместо этого сказала правду:

— Знаешь, мне даже легче от того, что ты не идеальный. Потому что я тоже не идеальная.

Они снова замолчали, но теперь тишина не давила. Она была спокойной, как пауза между двумя аккордами, когда ты ждёшь следующего и знаешь, что он будет красивым.

— Хочешь, пойдём куда-нибудь, где не будет всех этих людей? — вдруг предложил Рома. — Просто пойдём. Без планов.

Света посмотрела на него. В его глазах не было ни давления, ни попытки произвести впечатление. Только искреннее желание побыть вдвоём, без масок.

— Хочу, — сказала она.

И они пошли. Не спеша, не оглядываясь, будто весь этот вечер был только подготовкой к этой минуте, когда они наконец перестали притворяться.

Город жил своей жизнью: фонари зажигались один за другим, витрины магазинов отражались в мокром асфальте, где-то играла музыка, кто-то смеялся. Но здесь, рядом друг с другом, Рома и Света вдруг почувствовали, что они не просто два человека, случайно встретившихся на вечере выпускников. Они были двумя людьми, которые столько лет шли разными дорогами, чтобы в какой-то момент оказаться рядом и сказать друг другу то, что боялись сказать кому-либо ещё.

Они остановились у небольшого сквера. Скамейка была сырой после недавнего дождя, но они не сели. Им хотелось стоять, чувствовать, как холодный воздух остужает разгорячённые лица, как уходит напряжение, как на его место приходит что-то новое.

— Мы ведь раньше терпеть не могли друг друга, — тихо сказала Света, будто проверяя, не исчезнет ли это чувство, если она произнесёт его вслух.

— Да, — кивнул Рома. — Но знаешь, что самое странное? Я не помню, почему. Сейчас это кажется таким глупым. Как будто мы воевали не друг с другом, а со своим страхом быть собой.

Света кивнула. Ей нечего было возразить, потому что это было правдой.

Они стояли рядом, не касаясь друг друга. Но между ними уже не было вражды. Не было и той неловкости, которая сковывала их в зале. Было что-то другое — то, от чего у обоих сбивалось дыхание, но не от страха, а от предвкушения. От понимания, что впереди что-то важное. Что-то, что может всё изменить.

— Спасибо, что не ушёл туда, к ним, — сказала Света, кивнув в сторону кафе, откуда доносился смех и громкие голоса.

— Спасибо, что спросила «как ты», — ответил Рома. — Это, наверное, самое важное, что можно услышать.

И в этот момент они оба поняли: между ними больше нет стены. Есть только этот вечер, этот город и два человека, которые наконец-то перестали прятаться.

Потому что иногда, чтобы найти друг друга, нужно сначала перестать воевать.

Глава 3. «Старые раны»

Парк был тёмным, но не пугающим. Фонари стояли через равные промежутки, и их свет ложился на дорожку жёлтыми кругами, будто кто-то специально расставил эти островки тепла, чтобы людям было не так страшно идти в темноте. Рома и Света шли медленно, почти не замечая, куда ведут их ноги. Им просто не хотелось возвращаться в ту реальность, где у каждого есть свои отношения, свои обязательства, свои «надо».

— Знаешь, — вдруг сказал Рома, пиная носком ботинка маленький камешек, — я всё думаю про тот вечер в кафе. Как мы говорили... и мне казалось, что я впервые за долгое время не придумываю, как звучать правильно. Просто говорю.

Света улыбнулась, но улыбка вышла грустной.

— Я тоже. Как будто сняли один слой брони, и стало легче дышать. Но страшно, что если снять ещё — станет слишком холодно.

Рома посмотрел на неё. В свете фонаря её лицо казалось чуть светлее, будто он выхватывал из темноты только самое важное.

— А давай не снимать всё сразу, — тихо сказал он. — Давай просто вспомним что-нибудь. Не хорошее, не плохое... просто настоящее.

Света остановилась у скамейки и села, подтянув колени к груди. Рома сел рядом, не слишком близко, но и не так, чтобы между ними была пропасть.

— Давай про школу, — предложила она, сама удивляясь, как легко это слово сорвалось с языка. — Только честно. Не «как было весело», а как было на самом деле.

Рома вздохнул, будто этот вдох должен был дать ему сил сказать то, что он столько лет прятал даже от себя.

— Я дразнил тебя, — прямо сказал он, глядя не на неё, а вперёд, в темноту парка. — Дразнил, потому что ты была единственной, кто не смеялся над моими шутками. Все остальные хохотали, даже если было не смешно, лишь бы быть со мной. А ты смотрела. Спокойно. Слишком спокойно. И это выводило меня из себя. Потому что в твоём взгляде я видел: «Я знаю, что ты притворяешься».

Света не отдернулась, не закрыла лицо руками, не сказала: «Да ладно, забудь». Она просто кивнула, будто ждала этих слов всю жизнь.

— Ты меня пугал, — призналась она. — Не тем, что шутил, а тем, что видел. Все остальные смотрели на мою тетрадь, на оценки, на то, что я всегда делаю всё правильно. А ты смотрел на меня. И я боялась, что ты поймёшь: я не идеальная. Что я просто очень стараюсь, чтобы никто не догадался, как мне страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.